церкви, большей, чем прежняя, явилась необходимость написать для нее иконы. Из города (Каргополя) был призван иконописец Симеон, прозвищем Сокол, который взялся за работу вдвоем с сыном Иоанном. В монастыре трудился тогда ради спасения души некий Тимофей. Ночью в видении ему явился старец, который повелел Тимофею пойти к игумену и братии монастыря и сказать, чтобы те приказали написать «образ игумена Александра, начальника», т. е. основателя «обители сей». «Аз есмь Александр яко же мя видеши», — сказал старец. Утром Тимофей сообщил о чудесном видении игумену с братией, и те, пораженные рассказом, поручили Симеону написать «образ начальника Александра». Новый заказ поставил художника в большое затруднение. Он не знал, как изобразить основателя монастыря, давно умершего. Стали разыскивать людей, которые помнили бы Александра, старательно расспрашивая как старейших иноков, так и людей, живущих в окрестности монастыря. Однако не нашлось никого, кто знал бы святого, а свидетельство Тимофея, видевшего Александра в ночном видении, вероятно, не удовлетворяло (хотя известны случаи, когда древнерусский художник писал изображение на основании видения). В это время в монастырь пришел Никифор Филиппов. Будучи жителем села Пиала на реке Онеге, где находился соляной источник и стояла монастырская варница, он часто навещал монастырь, хорошо знал Александра — «известный самовидец бяше Александра» — и смог описать его внешность. По словам Никифора, Александр был человек среднего роста, лицом сух, «образом умилен», глаза имел «влущены», бороду небольшую и не очень густую, волосы русые, наполовину седые. То, что сообщил Никифор, обрадовало игумена с братией и иконописца: в этом рассказе они «искомое обретох и желаемое получих». Художник приступил к работе и «с радостию и со тщанием» написал изображение.

Ф. И. Буслаев привел историю написания образа в статье, посвященной русским иконописным подлинникам, с целью показать, что в древнерусском искусстве «подобия» «большею частию составлялись по преданию, которое сообщало художнику только общий иконописный тип. Это был не портрет, а идеальное воссоздание личности по характеристическим ее приметам, удержанным в памяти».[5] Поясним. По убеждению Ф. И. Буслаева, которое разделяли и другие ученые его времени, древнерусский художник «боялся действительности», «отвращался» от нее. Он «не чуждался» портрета, но «действительность... должна была утратить все индивидуальные подробности портрета», «чтобы стать предметом его, так сказать, портретного изображения».[6] Убеждение, что древнерусский художник в творчестве своем никогда не обращался к действительности, но исходил из отвлеченных, «идеальных» представлений о ней и опосредствованных впечатлений, — такое убеждение распространено и в искусствознании наших дней. В нем можно найти подтверждение приведенного мнения Ф. И. Буслаева, ссылку на использованную им историю написания «подобия» Александра Ошевенского и заключение, что древнерусский художник писал портретные изображения — «подобия» — «по-видимому, чаще всего на основании устного предания» «иногда по памяти», но он «никогда не работал с натуры».[7]

Однако рассказ Феодосия свидетельствует совсем о другом. Из этого рассказа следует, что иконописец Симеон Сокол, взявшись исполнить

---

[5] Ф. И. Буслаев. Литература русских иконописных подлинников — Сочинения. т II, СПб., 1910, стр. 374. (Разрядка наша, — *Ю. Д.*).

[6] Ф. И. Буслаев Общие понятия о русской иконописи. — Сочинения, т I, СПб., 1908, *стр. 24, 23 и др.*

[7] История русского искусства, т II, М., 1954, стр. 266.